

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ У СИБИРСКИХ ТАТАР В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.¹

Г. Т. Бакиева

Рассмотрена трансформация традиционной судебной системы сибирских татар на протяжении XVIII — начала XX в. Отмечено важное значение в жизни татар сельской общины, которая не только была органом самоуправления, но и выполняла некоторые судебные функции. Проанализированы организация судопроизводства у сибирских татар, роль должностных лиц общины в решении судебных дел. Показано, что татарское судопроизводство и судоустройство, имевшие в XVIII в. традиционные черты, постепенно нивелировались, в ходе административных реформ происходила правовая унификация и бюрократизация суда. Несмотря на постепенное вытеснение традиционных правовых норм из судопроизводства, властям приходилось учитывать некоторые особенности культуры и религии сибирских татар.

Ключевые слова: сибирские татары, судебная система, судебные полномочия, сельская община, сельский сход, мусульманское духовенство, традиционные нормы.

В XVIII — начале XIX в. у сибирских татар сохранялись традиционное управление и суд. Формой организации жизнедеятельности татар была сельская община. Внутри нее решались все важнейшие вопросы жизни сельского населения. Принадлежали общине и некоторые судебные полномочия, ими наделялись выборные от волости, от селения, мусульманские духовные лица и мирской сход.

Выборные от волости — волостные старшины или головы, которых также называли «князцами» или «ясаулами», наряду с административными, были наделены и судебными полномочиями «при разбирательстве их (татар. — Г. Б.) между собою спорных случаев» [ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 806. Л. 1; ГУТО ГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 43. Л. 22, 24]. «Жалованный голова» тобольских татар Авазбакей из рода Кульмаметьевых получал право «производить между татарами всякую расправу» и «за малые вины самому наказывать» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 18].

В указанный период в структуре исполнительной власти волостной общины значительное место занимали так называемые опекуны. Институт опекунов имел распространение лишь в Тюменском и Тарском уездах. Власти определяли для опекунов прежде всего судебные полномочия в рамках «справедливого разбирательства» по маловажным делам «между татарами и другими разного чина людьми чинить по самой сущей справедливости, избавляя обидимых от лица сильных» [ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 803. Л. 2 об.–3]. В нашем распоряжении имеются документы, которые характеризуют судебную компетенцию опекунов, которые разбирали, например, такие дела, как «непорядочное содержание и бесчеловечные побои замужней дочери», «неправильное взятие пяти лошадей», «отобрание мельником муки двух пудов» и т. д. [ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3462. Л. 14; ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20а. Д. 339. Л. 1].

В сельском обществе XVIII — начала XIX в. судебными полномочиями обладали выборные от селения — старосты, десятники. Являясь выборными лицами, они не могли самовольно решать спорные вопросы, а выносили их на рассмотрение сельского или волостного схода. При совершении преступления пострадавший или свидетель сообщал о случившемся десятнику, который немедленно собирал сход с привлечением ответчика. Староста налагал арест на членов общины, в том числе выборных, находящихся в его подчинении (сборщиков податей и пр.). Волостной сход состоял из выборных представителей селений, входивших в волость, и «лучших людей».

При разбирательстве споров, в том числе семейных, активное участие в сходах принимали мусульманские духовные лица. Право мусульманского духовенства решать брачные дела в приходах было подтверждено Положением от 5 мая 1811 г., а также Положением 1830 г. Апеллировать по таким делам можно было, обращаясь в Оренбургское магометанское собрание [В память столетия..., 1891. С. 24, 28]. К примеру, в 1800 г. в юртах Каскаринских старшиной Муллабаком Кучаковым «обще с муллою агуном Сеитом Муллагуловым с приглашением старших

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 07-01-00061а.

лучших людей» рассматривалось дело «о бесчеловечном битии Калиметом Кучуковым своей жены Калисы» [ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3464. Л. 11–11 об.].

Другой пример характеризует судебную компетенцию сельского схода. В ноябре 1797 г. заседатель Аптрахман Тажбулатов и десятник Итылгай Калышев созвали сход для рассмотрения дела о побоях дочери Сеитяша Култашева ясачными татарами — ее мужем Алтьяром, свекром Ягней Мятиковым и свекровью Калисой Емановой. На сходе «в присутствии собрания народско-го» разбирательство производили заседатель, десятник, муллы и «лучшие люди» [ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3462. Л. 14 об.–15].

При разбирательстве судебных дел в общине сибирских татар органы местного самоуправления руководствовались традиционными нормами, основанными на обычном праве и шариате.

По Уставу М. М. Сперанского 1822 г. власти пытались унифицировать управление и суд у сибирских татар, «приводя их к единому знаменателю» с судами у русских крестьян. Однако татары в большинстве случаев не приняли положений Устава и продолжали осуществлять управление и решать судебные дела преимущественно по традиционным нормам.

Следующей попыткой унифицировать управление у татар Сибири, касавшейся судебной компетенции общины, явилась реформа П. Д. Киселева 1840-х гг. По этой реформе у татар, как и у русских крестьян Сибири, учреждались особые выборные органы — судебные расправы: в волостях — волостные, в селах — сельские. Сельская расправа состояла из председателя (по должности им был сельский старшина) и двух добросовестных, старшего и младшего, избираемых из числа однообщественников. Расправа решала дела по искам на сумму до 5 руб. серебром, а также могла приговаривать за проступки к штрафу от 25 коп. до 1 руб. серебром, общественным работам на срок до 6 дней, заключению под стражу и телесному наказанию до 20 ударов розгами. Если приговор не удовлетворял тяжущихся, они могли обратиться в волостную расправу. Ведомству волостной расправы подлежали дела о кражах на сумму до 30 руб. серебром. Она могла приговаривать к наказанию до 60 ударов розгами [Сборник постановлений..., 1853. С. 77, 165, 167–169].

Среди сибирских татар реформа распространялась не повсеместно. Так, по донесению Тюменского окружного исправника, лишь в некоторых волостях уезда избирались старший и младший добросовестные, с одним или двумя кандидатами. В Тобольском, Тарском и Ялуторовском уездах, как видно из донесения чиновников, добросовестные в общинах не выбирались [ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 390. Л. 9–9 об., 35–36].

Во второй половине XIX — начале XX в. устройство общинного самоуправления и суда у сибирских татар подчинялось требованиям Общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г., а там, где эти правила не были введены, — Положениям о сельском состоянии 1876 г. и Циркулярному распоряжению Тобольского губернского правления от 30 апреля 1890 г.

Согласно новым положениям, сельский сход являлся не только низшим звеном управления, но и низшей судебной инстанцией. Так, к ведению сельского схода относились вопросы, связанные с временным отстранением общинников от участия в сельском сходе, применявшимся к недоимщикам, и удалению из общества «вредных и порочных» членов. Если в сельском обществе насчитывалось более 300 членов, то такой приговор считался окончательным. На сельский сход возлагалось установление попечителей и опекунов для малолетних сирот, а также производство учета их деятельности, осуществление семейных разделов и пр. [Сборник узаконений..., 1904. С. 63–70]. Назначая опекунов и попечителей, сельский сход составлял общественный приговор, оценивал и описывал имущество подопечных. Например, Якушевский сельский сход Кашегальской волости Тюменского уезда произвел опись и оценку имущества после смерти однообщественника Бектимаса Кубякова и выбрал его сыновьям Абульгасану и Ахматулле опекуна Айтуллу Сульгутарова. В общественном приговоре указывалось, что опекун «поведения хорошего и имущество не растратит». Опекун, в свою очередь, дал письменное обязательство: «означенное в этом приговоре имущество принять в таком состоянии, как оно написано и обязываюсь таковой хранить впредь до совершеннолетия сирот Бектимасовых» [ГУТО ГАТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–41].

Общество должно было ежегодно производить поверку действий опекуна, по которым составлялись письменные приговоры. В каждом волостном правлении велась книга «О сиротских опеках». В них указывались фамилия и имя подопечных, имя их матери, стоимость движимого и недвижимого имущества опекаемых, количество денег, хранящихся в учреждении, и номер сберегательной книжки. В отдельной графе указывался опекун, а также лицо, у которого опе-

каемый проживал. В отдельных графах указывалось, «пользуются ли сироты наделом и ведут ли самостоятельное хозяйство», «когда последний раз проверялось действие опекуна», «не замечено ли злоупотреблений по опеке при проверке». К примеру, на 1 мая 1910 г. по Карагайской волости в книге отмечены в юртах Тебендинских и Ильтяковских по 1 опекаемой семье, Аптрахимовых и Сарыповых. В первой семье зафиксировано трое детей — Харис 13 лет, Аптрашит 9 лет, Аничамал 18 лет. Мать умерла, а сироты жили у опекуна Аптулбака Ильчибакиева. Имущество движимое было оценено в 25 руб., недвижимое — в 20 руб. Действия опекуна проверялись 20 февраля 1910 г. В ходе проверки злоупотреблений замечено не было. Во второй семье подопечных детей также было трое: Сабит 6 лет, Набис 7 лет и Сабита 3 лет. При этом с ними указана их мать Сулишта Курманалиева. По Бухарской волости за этот же год опекаемые числились в юртах Миримовских, Исеневских, Саусканских, Сузгунских, Медяньских, Комаровских, Вагайских, Ишаирских. Как видно из документов, во всех случаях дети проживали вместе с матерями, если те были живы, даже если вступили в новый брак. Лишь в тех случаях, когда оба родителя умерли, опекаемые проживали с опекуном. [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 41. Л. 29 об., 37–43, 65 об.–66].

В тех случаях, когда было подозрение на неправомерные действия опекуна, волостное правление производило учет и проверку его действий досрочно и предъявляло результаты на рассмотрение сельского схода. Об этом свидетельствует, например, дело, начатое в декабре 1916 г. по заявлению Вахита Атанаева Ченбаева, который предложил произвести учет действий опекуна, так как тот «заботится о том, чтобы извлечь себе выгоду», «некоторые ценные вещи увез к себе», «ездит на лошадах малолеток, не щадя таковых» и т. д. В ответ на заявление Атанаева волостной старшина в присутствии опекуна Челябиндина Шарафетдинова, понятых, жалобщика произвел учет имущества сирот Гульминавар, Мухамет-Начипа и Аптул-Мучипа Канафиевых Ченбаевых и взял «отзыв» опекуна. В результате волостной старшина вынес решение, в котором постановил, что «имущество сирот Ченбаевых находится в целостности и нет злоупотреблений со стороны опекуна», а жалобу Вахита Ченбаева оставить «без последствий» [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 43. Л. 12–14 об.]. Если по проверке оказывалось, что опекуном была сделана растрата или какое-нибудь иное злоупотребление, то общество должно было отстранить этого опекуна и назначить нового, а о проступках доводить до сведения в вышестоящие органы.

В компетенцию сельского схода входил учет денежных сборов, производившихся сельскими старостами и сборщиками податей. Здесь выбирали учетчиков для проверки финансовой деятельности должностных лиц, во время которой выясняли, не присвоил ли проверяемый часть денег себе [ГУТО ГАТ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 39. Л. 18].

Волостной сход осуществлял учет финансовой деятельности волостных должностных лиц, прежде всего старшин. Так, в 1864 г. сход Истяцкой волости сход выбрал учетчиков жителя юрт Истяцких Кадралия Баишева и Юсбака Шафеева из юрт Балахлейских для ревизии деятельности волостного головы Усаира Умерова. В ходе учета выяснилось, что за Умеровым «в недозволе» находилось 280 руб. и $\frac{3}{4}$ коп. [ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 39. Д. 119. Л. 3, 8 об.–9].

Сельский староста, являясь непосредственным представителем сельского общества, мог подвергать наказанию лиц, замеченных в пьянстве, расточительстве, непослушании хозяевам, родителям, в оскорблении родителей и в отказе им в пище и одежде [Сборник узаконений..., 1904. С. 71–72]. Также он мог подвергать виновных денежному взысканию до 1 руб. или аресту на срок не более двух суток. Жалобу на решения сельского старосты можно было приносить вышестоящему начальству в семидневный срок. Кроме того, сельский староста должен был принимать необходимые меры для сохранения порядка и защиты лиц и имущества общинников от преступных действий, задерживать бродяг и беглых и представлять их местной полиции. В случае совершения преступления в общине сельский староста делал предварительное дознание, задерживал виновных и обеспечивал сохранность следов преступления до прибытия судебного следователя или местной полиции.

В волости судебными полномочиями наделялись волостные старшины. В их ведении находились гражданские и «маловажные» уголовные дела, совершенные лицами, им подведомственными. Они могли подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней, денежному взысканию до 1 руб. в пользу общественных сумм, аресту на срок не более двух суток [ГУТО ГАТ. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–77 об.]. К примеру, волостной старшина Бухарской инородной волости Бикбулатов 15 марта 1908 г. вынес постановление об аресте на двое суток при Вагайском инородном управлении бухарцев юрт Байгаринских Нияса Айтмухаметова, Хус-

Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII — начале XX в.

нутдина Тлямухаметова, Кальмета Айтмухаметова за упорный неплатеж повинностей. В июле 1909 г. «за упорный неплатеж» мирского сбора Бикбулатов вынес постановление «подвергнуть аресту в каталажной камере» в течение суток бухарца юрт Исеневских Абдулфатиха Мухамет Бакиева [ГУТО ГАТ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 14, 16]. Тот же волостной старшина 21 марта 1908 г. за «крайнее упорство при исполнении законных требований, за неплатеж податей и за грубости, оказываемые бухарцем юрт Саусканских Таиром Чаулановым Янышевым», постановил «выдержать» его под арестом в каталажной камере при Тобольском городском полицейском управлении двое суток [Там же. Л. 4].

Наказывались общинники за упорный неплатеж податей и повинностей, за неявку на волостной сход или самовольный уход со сходки, за нарушение тишины и спокойствия в ночное время на улицах и т. д. [Там же. Д. 25. Л. 1, 5, 18–18 об.; Ф. 346. Оп. 1. Д. 76. Л. 7].

Следующие дела характеризуют правонарушения, связанные с неповиновением властям. Арест в каталажной камере в течение двух суток был назначен бухарцу Вагайских юрт Хайрулле Катангулову, как было указано в постановлении, «за грубое и дерзкое обращение с волостным головою при исполнении служебных обязанностей» [Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 19–19 об.].

Отказ явиться по требованию сборщика податей и грубое обращение с десятником стали поводом для ареста «инородца» юрт Байгаринских Хайретдина Хисаметдинова и бухарца юрт Тачимовских Башира Алимова, которого обвиняли еще и «в нарушении тишины в Управлении в пьяном виде» [Там же. Л. 20–22].

3 февраля 1910 г. за ослушание и оскорбление словами помощника Вагайского писаря и Будалинского сельского сборщика при исполнении ими служебных обязанностей на двое суток подвергли аресту бухарца юрт Байгаринских Аптулгалика Абдулвахитова [Там же. Д. 25. Л. 4]. В октябре 1910 г., как было указано в постановлении, «за ослушание» были арестованы на одни сутки бухарцы юрт Медянских Назыр Баширов и Шаймардан Шимантов [Там же. Л. 24].

Волостные старшины имели полномочия подвергать наказаниям должностных лиц, находящихся в их ведомстве,— сельских старост, сборщиков податей и др. Например, волостной голова Бикбулатов «за неуспешное собрание податей, за неисполнение приказаний членов Инородного управления, и за неявку в управление» подверг аресту на двое суток сборщика податей Саусканского сельского общества, юрт Комаровских Салима Мухамета Муратова [Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 54].

В компетенцию волостного старшины входили дела, связанные с поимкой бродяг, беглых и дезертиров, он следил и за тем, чтобы никто не давал этим лицам пристанища и не укрывал их. Он должен был задерживать таких лиц и представлять в полицейское управление [Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–77 об.]. Старшине вменялось при этом обращать особое внимание на малолетних детей, которые находились с нищими. Необходимо было расспрашивать этих детей о том, откуда они, есть ли у них родители или родственники, каким образом они попали к нищим, как те с ними обращаются. Если выяснялось, что дети были взяты нищими обманом или изувечены, старшина был обязан немедленно отправить их к вышестоящим властям [Там же. Л. 78–78 об.].

На волостного старшину возлагалась обязанность решать дела по долговым обязательствам. При отсутствии денег для выплаты долга от должника требовали обеспечения, соразмерного сумме долга. В противном случае старшина мог описать имущество должника. При взыскании и обеспечении исков часть имущества крестьян и оседлых инородцев считалась неприкосновенной. К такому имуществу относились дом, в котором жил должник, с необходимыми постройками; одежда для семейства; рабочий скот, упряжь, телега, соха и прочие орудия земледелия и промыслов; количество хлеба, необходимое для прокормления семьи до нового урожая, и семена, необходимые для посева. Если у должника для удовлетворения исков по долгам не доставало имущества, то его могли отдать с письменным видом на работу к частному лицу на один год за условленную сумму, которую затем отдавали заимодавцам, для удовлетворения всех долговых исков [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 258].

О дне и месте продажи имущества в волостном правлении вывешивалось объявление по крайней мере за неделю до торга и в этот же срок оповещались через сельских старост жители всех ближайших селений. В случае если отдельные домохозяева временно затруднялись внести окладные платежи, волостной старшина был обязан обращаться к вышестоящему начальству по вопросу о просрочке исполнения или других льготах этим домохозяевам. До проведения торгов волостной старшина должен был производить опись имущества, а оценку этого имущества проводили специально выбранные для данного случая оценщики из числа однообщест-

венников. К примеру, 26 сентября 1910 г. волостным старшиной Карагайской волости Карымовым была произведена опись имущества, принадлежащего Хисматулле Мерелиеву, в удовлетворение иска Ибатуллая Чебарова на сумму 36 руб. 60 коп. [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 19. Л. 8].

Следует отметить, что жена должника не отвечала по долгам мужа. По закону ее собственность являлась неприкосновенной, на нее не обращалось взыскание по обязательствам мужа. К этому имуществу относились: приданое; имущество, доставшееся ей по наследству, по дарственным или иным записям, полученным от родственников и посторонних людей; все имущество, приобретенное ею или даже подаренное мужем. При этом супруга должника должна была представить доказательства принадлежности ей того имущества, которое признавалось неприкосновенным. Кроме данного имущества не могли обращать взыскание на женские платья и белье; половину мебели, находящейся в доме и половину всей посуды; половину экипажей, лошадей, упряжи [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 413–414]. Так, при описи имущества указанного выше Х. Мерелиева некоторые вещи, а именно лошадь, кобыла, жеребенок, корова, теленок, две овцы, были указаны как приданое его жены и поэтому не подлежали продаже за долги мужа [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 19. Л. 8].

22 февраля 1916 г. Карагайским волостным старшиной для удовлетворения претензии Мамлеева на сумму 605 руб. 75 коп. у Кашапа Карымова были описаны лошадь, тулуп, двое саней, забор (ограда), ларь под хлеб, заменяющий амбар, невод, кошма. Примечательно, что в дальнейшем почти все эти вещи были проданы с торгов, а выкупил их сам Карымов, но на имя жены, с тем чтобы в дальнейшем они не могли быть описаны и проданы с торгов [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 65. Л. 2–3 об.].

Волостным старшинам власти определили и функции следователей и дознавателей при расследовании тяжких преступлений в общине. Хотя такие преступления не входили в компетенцию сельской общины, власти обязали ее должностных лиц проводить первоначальные меры по задержанию преступника. Волостные старшины после совершения какого-либо преступления немедленно расспрашивали подозреваемых в преступлении, а также беглых и подозрительных людей с обстоятельным описанием всего происшествия. В случае обстоятельства, не терпящих отлагательства, волостные начальники могли подвергать этих людей аресту или личному задержанию, отдаче на поруки, подписке о неотлучке из места жительства или явке к следствию. Следствие по уголовным преступлениям должно было производиться настолько возможно быстро и оканчиваться в месячный срок [Сборник..., 1888. С. 15, 18].

Волостной старшина, применяя арест в отношении подозреваемого, обязан был составить постановление о взятии под стражу. Оно содержало следующие сведения: кем и когда произведен арест; звание, имя, отчество задержанного; преступление, в котором он подозревался; основание задержания. В конце ставилась подпись лица, составившего постановление. Постановление предъявлялось обвиняемому до истечения суток со времени его задержания. Местом заключения при дознании являлось место в «сборной» (комнате для сходок при волостных правлениях). Были разработаны правила о порядке содержания при волостных правлениях подследственных арестантов. Эти помещения должны разделяться на две половины — мужскую и женскую. Обвиняемые в соучастии по одному и тому же делу не могли помещаться вместе. При приеме у задержанных отбирались деньги и ценные вещи, а также вещи, которые могли быть опасными: ножи, бритвы, гвозди, палки и др. Все отобранные вещи обозначались в реестре. Ключи от арестантских камер должны были храниться у наиболее благонадежного караульного, которого назначал волостной старшина. Арестантов при волостных правлениях охраняли штатные сторожа. Для того чтобы арестанты не совершили побег, были предусмотрены специальные правила: караульным необходимо было следить, чтобы те не останавливались возле домов, прося милостыню, не заходили в публичные дома, не употребляли вино и не принимали вещи от проходящих. Камеры должны были освещаться всю ночь до рассвета. Арестантам запрещалось в камерах или у своих постелей делать занавески и загородки рогожами или другими предметами. При выпуске арестанта для естественной надобности его должны были сопровождать один или двое караульных (в зависимости от тяжести преступления). Иногда подозреваемых в тяжких преступлениях могли заковывать в кандалы весом от 5 до 5,5 фунта. Но существовали ограничения в применении кандалов для малолетних обоих полов, лиц, освобожденных от телесных наказаний, и женщин. Употребление вина, курение, игры в карты, кости, шашки и другие увеселения не позволялись, свидания не разрешались [О мере пресечения..., 1893. С. 6, 9, 25–30].

Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII — начале XX в.

Власти рассматривали волостных старшин как своих агентов на местах, поэтому в случае преступления в отношении этих лиц при исполнении ими служебных обязанностей предусматривались довольно строгие наказания. Так, за оскорбление волостного старшины насильственными действиями виновный подвергался заключению в тюрьму на срок от 2 до 8 мес., а за оскорбление словами — аресту от 7 до 3 мес. При этом если оскорбления были нанесены поддомственными старшине лицами, то наказание было более строгим [Сборник узаконений..., 1904. С. 43].

В волостях сибирских татар, так же как у русских крестьян, во второй половине XIX — начале XX в. существовал специальный судебный орган — волостной суд. На должность волостных судей выбирались лица не моложе 25 лет, не состоящие под судом и следствием и преимущественно из домохозяев [ГУТО ГАТ. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 61]. Не могли избираться на должность судей лица «заведомо развратного поведения», занимающие другие должности волостного или сельского управления. Волостной суд по закону должен был состоять из 4, максимум — 12 судей. Иногда обязанность председателя суда возлагалась на волостного старшину. Определение числа и установление между ними очереди предоставлялись волостному сходу [Там же. Л. 127 об.–128]. В Бухарской волости Тобольского уезда функции волостного суда выполняла волостная расправа. В нее входили не специально выбранные судьи, а волостной голова, два «кандидата головы» и писарь [ГУТО ГАТ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.–19 об.].

Сход по своему усмотрению мог назначать жалованье судьям за время исправления ими должности. При вступлении в должность волостные судьи, как и волостные старшины и волостные заседатели, приносили присягу на верность службе. Известно, что присяга или «клятвенное обещание» у сибирских татар-мусульман приносилась на Коране в присутствии муллы мечети. Например, 15 января 1917 г. такую присягу принесли должностные лица Карагайского волостного правления, в том числе волостные судьи, Мухаметкалы Курманалиев, Абуталип Измаилов, Хабибулла Аликеев [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–8 об.].

В волостном суде обеспечивалось представительство от большинства селений волости. Так, в Вагайском волостном суде в 1917 г. судьями были назначены Сайдмухамет Карымов из юрт Усть-Тамакских, Хизаметдин Аминев из юрт Шамшинских, Сарачетдин Хайруллин — из юрт Кобякских и Салик Муслимов — из юрт Бегишевских [Там же. Л. 15–15 об.]. В Карагайской волости за 1917 г. в волостной суд были назначены — Хабибулла Аликеев из юрт Карагайских, Абуталип Измаилов из юрт Лешаковских, Камалетдин Аптулвагитов из юрт Тебендинских, Мухаметкалы Курманалиев из юрт Салинских [Там же. Л. 20].

Волостной суд по существующему положению должен был собираться не менее двух раз в месяц, по воскресеньям и праздничным дням, в случае необходимости и в другие дни [Сборник узаконений..., 1904. С. 78]. Однако, как показывают архивные материалы, эти суды собирались гораздо реже. Например, в ходе ревизии некоторых татарских волостных правлений в феврале 1913 г. члены Губернского управления по крестьянским делам установили, что Карагайский волостной суд для разбирательства дел в 1912 г. собирался всего три раза: с 29 марта по 2 апреля, с 24 по 26 сентября и с 10 по 14 декабря. Ежедневно рассматривалось в среднем по 9 дел. Всего решений волостного суда было 96. Комиссия пришла к выводу, что суд рассматривал и исполнял дела очень медленно. В связи с этим комиссия рекомендовала проводить заседания суда чаще, «во всяком случае, не менее раза в месяц» [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 9]. По замечанию комиссии, также обстояло дело в Истяцком волостном суде [Там же. Л. 16].

Специального помещения волостной суд не имел, а собирался в правлении. Если необходимо было участие большого числа свидетелей или в случае осмотра имущества, например, подлежащего разделу, суд назначался на месте.

Делопроизводство волостного суда, а также хранение в порядке дел и книг возлагались на волостного писаря под наблюдением председателя суда. Волостной суд имел особую печать.

В ведении волостного суда находились споры и тяжбы между общинниками в сумме до 100 руб. Он рассматривал иски по делам, касающимся движимого и недвижимого имущества, по различным сделкам и договорам, заключаемым между общинниками, разрешение споров о порядке наследования, семейные разделы. В числе дел, относящихся к ведению волостного суда, были ссоры и драки между крестьянами, беспорядки во время волостного схода; кражи, присвоение находки не свыше 30 руб.; дела об оскорблении словами и действиями между самими общинниками. Кроме того, в его ведении находилось утверждение приговоров сельского схода об удалении из общества кого-либо из его членов [ГУТО ГАТ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 19].

Л. 128–128 об.]. Таким образом, волостной суд рассматривал не только гражданские, но и уголовные дела небольшой тяжести.

Отметим, что судебные разбирательства у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в. органами местного самоуправления, в том числе волостными судами, велись на основе общих положений законодательства Российской империи. Часть дел, связанных с семейно-брачными, наследственными вопросами, власти оставили решать сибирским татарам на основе норм шариата. Однако устанавливались случаи, при которых рассмотрение и этих дел могло производиться на основе общих законов [Свод уставов..., 1893. С. 246–247].

Доказательством того, что местным органам самоуправления сибирских татар были известны законы и они, очевидно, руководствовались ими в своей деятельности, говорит тот факт, что в их волостных управлениях хранились различные книги, содержащие законы и руководства. Так, в начале XX в. в Уватском инородном управлении Тобольского уезда хранилось 20 наименований различных законоположений, среди которых «Свод законов гражданских. О правах и обязанностях семейственных. 1857 г.», «Устав уголовного судопроизводства. 1901 г.», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1885. Изд. Н. С. Таганцева», «Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. 1904 г.», «Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края по новому 1902 г. Изд. Г. Г. Савича» и др. [ГУТО ГАТ. Ф. 346. оп. 1. Д. 29. Л. 11–11 об.]

Наказаниями, которые могли назначаться волостными судьями, являлись: общественные работы до 6 дней, штрафы до 3 руб., арест до 7 дней, телесные наказания до 20 ударов розгами. По закону телесному наказанию не подвергались: бывшие волостные головы, имеющие серебряную медаль за беспорочную службу в течение 9 лет; волостные писаря, прослужившие беспорочно в должности 12 лет и удостоенные серебряной медали; все духовные лица нехристианского вероисповедания и их дети; женщины, престарелые, достигшие 60 лет [Уложение о наказаниях..., 1916. С. 401, 404, 405]. Эти лица могли подвергаться лишь штрафу в размере до 3 руб. Следует отметить, что наказание розгами считалось тяжким и применялось только в исключительных случаях: если виновные в течение года совершили проступок, за который уже подвергались аресту, или несколько проступков, за каждый из которых определен арест или другое строгое наказание. Денежные штрафы, установленные волостными судами, должны были обращаться в пользу мирских сумм той волости, где производился суд. Если приговоренный волостным судом за проступок к денежному взысканию оказывался неспособным к его уплате, то оно заменялось арестом или отдачей в общественные работы с зачетом двухрублевого денежного взыскания за каждый день ареста или общественных работ [Сборник узаконений..., 1904. С. 90].

Существовал срок давности, по истечении которого виновные освобождались от наказаний. Виновные в совершении кражи, мошенничества и присвоении чужого имущества освобождались от наказания, если в течение двух лет не были изобличены или в течение того же срока по этим делам не было никакого производства. По другим проступкам срок давности был установлен в 6 мес. со времени их совершения [Там же. С. 90].

Волостной суд при рассмотрении дел использовал различные доказательства: собственное признание подозреваемого, письменные доводы, личный осмотр следов преступления и вещей, показания сведущих людей и свидетелей, повальный обыск, присяга. Собственное признание ответчика в ходе судебного разбирательства являлось бесспорным доказательством преступления. Признание ответчика вне суда признавалось доказательством в зависимости от обстоятельств [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 258–259].

В суде могли использоваться письменные доказательства, например акты, удостоверяющие чье-либо право или обязанность. Акты были трех видов: укрепления имущества; присутственных мест; состояния. К первым относились купчие и закладные крепости, дарственные записи, духовные завещания; ко вторым — судебные журналы, протоколы, реестры, докладные книги, выписки из дел, подписанные тяжущимися, судебные определения; к третьим — метрические книги, выписки, родословные, ревизские сказки и выписки из них, жалованные грамоты и т. д. [Там же. С. 83–84]. Письменными доказательствами в суде являлись различные договоры (условия), которые заключались между общинниками. Как показывают архивные материалы, в начале XX в. особенно много таких договоров заключалось с русскими соседями по поводу продажи или сдачи в аренду угодий. Так, 22 февраля 1902 г. было заключено «условие» между бухарцами юрт Медянской Бухарской волости братьями Ташлановыми с крестьянином д. Медянской Карачинской волости Федосеем Корниловым об отдаче первыми в аренду сенокосного пая под д. Шишкиной

на два лета за 6 руб. [ГУТО ГАТ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.–2]. 22 апреля 1902 г. бухарец юрт Пушнятских Мухамет Рахим Мухаметаминов заключил «условие» с крестьянами д. Масловой Никитой Михайловым Кондрахиным и Иваном Васильевым Кондрахиным об отдаче им своего сенокосного пая за 15 руб. В нем было указано, что «означенный сенокосный пай мною никому не продан до сего времени и продавать его права не имею. В том и подписуюсь» [Там же. Л. 3 об.–4]. Аналогичные «условия» об отдаче в аренду сенокосных и других паев заключили бухарцы юрт Тачимовских Шарафетдин Тачетдинов Алимов с крестьянами дер. Башкуровой Федотом Михайловым Башкуровым и Егором Андреевым Кондрахиным; Аптрашит Таулетбакиев с Дмитрием Михайловым Мунафеевым; Ахметчан Таштимиров Аминов с Яковом Кондрахиным из деревни Пушнятской и Асисчан Таштимиров с тем же Яковом Кондрахиным [Там же. Л. 7 об.–11 об.].

Одними из доказательств в волостном суде признавались показания свидетелей. Они не имели права отказываться от свидетельствования. В случае их неявки в суд рассмотрение дела откладывали до следующего заседания, если считали, что показания свидетелей являлись существенными для его разрешения. Кроме того, не явившихся свидетелей могли подвергнуть взысканию. При наличии уважительных причин, из-за дальности расстояния волостного суда, они могли допрашиваться на месте: в селениях — волостным старшиной. Затем их письменные показания отправлялись в волостной суд. По закону запрещалось привлекать в свидетели лиц, не достигших 15 лет, безумных и сумасшедших, глухонемых, убийц, разбойников и воров, явных прелюбодеев, и вообще всех лиц, лишенных чести и всех прав состояния. В свидетели не допускались также: лица, имеющие отношение к делу; находящиеся с тяжущимися в родстве и ближнем свойстве, имеющие вражду с этими лицами; дети против родителей; жена тяжущегося; лица, подкупленные к свидетельству. Люди, находящиеся у тяжущегося в услужении и получающие от него пропитание, могли допрашиваться только при недостатке других свидетелей. Больные, а также знатные и лица женского пола дворянского происхождения допрашивались на дому. Если нужно было допросить большое число свидетелей из одного или нескольких селений, то допускалось допрашивать их на месте жительства, чтобы не отвлекать их от занятий [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 92–94].

Показания свидетелей отбирались согласно определенным правилам. Прежде проведения допроса свидетеля должна была состояться очная ставка с лицом, против которого он свидетельствовал. На очной ставке ответчик мог дать отвод свидетелю. Затем свидетеля приводили к присяге. По закону свидетели должны были присягать по своей вере. Сибирские татары, являвшиеся мусульманами, приводились к присяге по особой форме, изданной 25 апреля 1850 г. По этим правилам сначала они должны были совершить омовение (согласно мусульманским обычаям). Затем в присутствии муллы, «держа с почтением правую руку на Коране, произносить со вниманием и благоговением слова присяги, устремив взор во все это время на священную книгу». Если лицо, приводимое к присяге, не умело читать, то мулла должен был прочитать и объяснить ее содержание, «произнести внятно и медленно присягу, а свидетель должен повторить за муллой слово в слово вслух и внятно. Коран в знак благоговения должен быть положен на чистую шелковую материю. До приведения к присяге свидетеля, мулла обязан вразумить его, что присягу нужно принимать не только языком, но и сердцем, что она есть дело важнейшее пред Всевышним и, что закон повелевает данную присягу соблюдать свято и ненарушимо, а клятвопреступник навлекает на себя страшный гнев Божий» [Там же. С. 448].

Когда в свидетели привлекали большое число людей по какому-либо делу — это называлось повальным обыском. Повальный обыск мог быть малым и большим, в зависимости от того, кого допрашивали — ближних или и дальних окольных людей. Если не было других доказательств, суд принимал решение по большинству обыскных голосов [Там же. С. 98–99]. В этом случае свидетели также приводились к присяге. В 1837 г. татары юрт Большекипо-Кулларовских Тарского округа были подвергнуты «повальному обыску» по делу указного муллы Аптушагура Суючева [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1285. Л. 13 об.–14].

После принятия иска суд не позднее семидневного срока делал распоряжение о вызове ответчика путем составления повестки. Повестка составлялась судом в двух экземплярах. В ней указывалось, кто именно вызывается в суд, по какому делу, кем и по какому иску. Также указывались статьи закона, в которых определялся срок для представления ответа и последствия непредставления такового. Если для явки в суд необходимо было преодолеть определенное расстояние, судебное место назначало ответчику поверстный срок. Повестка должна была вручаться самому ответчику, а в случае его отсутствия — его жене, детям, достигшим 17 лет, или

другим его родственникам. Если и их не было, то повестка вручалась сельскому старосте. Во всех случаях повестка вручалась при двух свидетелях мужского пола. Стороны по делу, проживавшие за пределами волости и далее 15 верст от места нахождения суда, имели право заменить себя представителем из числа своих родных, домашних или односельчан. Но такая замена могла быть разрешена волостным судом только при наличии уважительных причин. При разбирательстве дел в случае неявки в суд ответчика волостной суд мог отложить рассмотрение дела до следующего заседания, подвергая ответчика наказанию. В случае вторичной его неявки без уважительной причины суд выносил окончательное решение в его отсутствие по представленным истцом доказательствам. В случае разбирательства дела по уголовным делам волостной суд, если не явился истец или ответчик, делал распоряжение о приводе не явившихся к следующему заседанию, посылал приказ сельскому старосте о приводе в суд. Если в суд не являлся истец, дело подлежало прекращению, при этом ответчик имел право просить о взыскании с истца убытков, если таковые были. Неявка в суд без уважительной причины каралась законом. Уважительными причинами для неявки в суд являлись: задержание под стражей; государственная нужда по службе; наводнение или пожар; нападение воров; тяжелая болезнь, а также болезнь жены; смерть родителей, жены или детей; сумасшествие [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 72, 76].

Анализ материалов по работе волостных судов свидетельствует о том, что сибирские татары довольно часто обращались к волостным судьям по различным вопросам. Об этом свидетельствует количество дел, рассматривавшихся этими судами. Так, в 1912 г. в Истяцкий волостной суд поступило 27 гражданских и 19 уголовных дел, в Вагайский суд — 50 и 12 дел, в Тукузский суд — 46 и 14 дел, в Карагайский — 115 и 41 дел соответственно [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об.—43].

По окончании разбирательства дела в волостном суде, если не произошло примирения сторон, суд выносил решение, записывая его в специальную книгу, и объявлял его сторонам на этом же заседании. В решении суда отмечались год, месяц и число вынесения решения, имена и фамилии судей, звания, имена и фамилии истца и ответчика или обвиняемых и потерпевших, а также свидетелей. Далее излагались краткие обстоятельства дела и суть решения. Сторонам выдавались копии решения. Решение волостного суда вступало в законную силу и подлежало исполнению в случаях, если оно не было обжаловано в месячный срок и не была подана просьба общим судебным органам об отмене решения волостного суда [Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 127 об.]. Если между сторонами происходило примирение, то в книге решений записывалась мировая сделка.

Как показывают архивные материалы, довольно большое количество дел, рассматривавшихся волостными судами, заканчивалось примирением сторон. Некоторые из них заканчивались до суда. Например, в ходе ревизии Карагайского волостного правления в декабре 1911 г. было установлено, что до суда было прекращено 150 дел [Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 3]. Примирением сторон в ходе судебного разбирательства закончились в 1912 г.: 12 дел из поступивших в Истяцкий волостной суд 27 гражданских и 19 уголовных дел, 15 из 62 дел в Вагайском суде, 12 из 62 дел в Тукузском и 64 дела в Карагайском суде [Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об.—49].

Несмотря на авторитет волостного суда, часть его решений не выполнялись ответчиками. Причины были самые разные. О них, в частности, мы узнаем из перечня «не приведенных в исполнение решений» Карагайского волостного суда на март 1914 г. Вот некоторые из них: «не исполнено за отлучкой ответчика» (7 случаев), «произведена опись имущества, но продать ничего не удалось» (2 дела), взыскана часть долга, остальная часть рассрочена добровольно истцом (3 дела), в связи с обжалованием решения в вышестоящий суд [Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 67. Л. 41].

Некоторые судебные функции в общине сибирских татар, как и в предыдущий период, продолжали выполнять мусульманские духовные лица общины. Им предоставлялось право решать дела, связанные с заключением и расторжением браков, о неповиновении детей родителям, о нарушениях супружеской верности на основе шариата. Кроме того, духовенство могло разбирать иски по завещаниям и по разделу имущества. [Свод уставов..., 1893. С. 257]. Мусульманское духовенство рассматривало дела, связанные с совершением прелюбодеяния одним из супругов. По нормам шариата за него было установлено наказание в виде 100 ударов плетью. Начиная с 1837 г. за этот проступок вводилось светское наказание в виде ареста от 3 до 14 дней, оно распространялось и на мусульман. Прежде чем применить арест, предусматривалось использование более мягких видов наказания: наложение духовного покаяния либо сорокадневный пост [Уложение о наказаниях..., 1916. Ст. 1585]. На «общественной сходке» д. Туска-

Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII — начале XX в.

занской Бухарской волости Тарского округа 5 мая 1832 г. рассматривалось дело о «прелюбодейной жизни» казака Ишмаметя и Айжи Сеитовой по жалобе мужа Айжи, бухарца Нияза Аширова. Вина в прелюбодеянии было назначено наказание в виде 39 ударов лозами, которое должно было производиться на сходке [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1082. Л. 2–2 об.].

За аналогичное преступление, совершенное в 1839 г., татары Тарского округа Ниясбагин и Чубарова получили наказание в виде сорокодневного поста. Кроме того, требовалось, чтобы они «каждодневно приносили всем пред богом чистосердечное раскаяние: мужчина в мечети, а женщина у приходского муллы в день по три часа» [Там же. Д. 1287. Л. 5–5 об., 7].

На практике к сельским муллам общинники обращались не только по семейным делам, но и по другим спорным вопросам, например для вынесения наказания за воровство, нанесение телесных повреждений и др. Часто за различные проступки назначалось телесное наказание, которое должно было производиться выбранными муллами членами общины. Наказание обычно осуществлялось здесь же на собрании при большом скоплении народа, лицом, которого назначал мулла [ПМА].

Духовные лица общины следили за нравственностью односельчан. В частности, обычное право сибирских татар запрещало азартные игры. Если человек все же был замечен в азартных играх, то ему делалось увещание со стороны духовенства, при повторном уличении пороли розгами либо содержали под арестом до трех дней [РО ТГИАМЗ. № 12888. Л. 10 об.–11].

Однако официальная власть стремилась ограничить мусульманских духовных лиц в ее судебных полномочиях. Так, специальный указ от 8 июня 1837 г. запрещал духовенству наказывать мусульман телесно. Постановление Оренбургского магометанского духовного собрания 1875 г. и вовсе запрещало мусульманским духовным лицам «вообще принимать на себя не свойственную их обязанности роль судей» [Азаматов, 1999. С. 167]. Однако общинники продолжали привлекать мусульманское духовенство для решения споров. Вследствие этого Департамент духовных дел иностранных исповеданий от 14 марта 1900 г. вновь подтверждает право мусульманского духовенства рассматривать и решать семейные дела «по правилам своей веры» [Климович, 1936. С. 59]. Тем самым власти вынуждены были признать судебную компетенцию мусульманского духовенства.

Деятельность выборных татарской общины и волостных судов находилась под контролем крестьянских начальников. Ежегодно члены съезда крестьянских начальников, иногда совместно с Губернским управлением по крестьянским делам, производили ревизию волостных правлений, где наряду с другими документами проверяли материалы волостных судов. В случае уличения в проступках и преступлениях крестьянские начальники могли налагать на них административные взыскания, привлекать к уголовному наказанию. За все должностные преступления и проступки лица волостного и сельского управления могли подвергаться замечаниям, выговорам, денежным взысканиям или аресту не более семи дней. За тяжкие правонарушения их могли отстранить от должности. Согласно Уложению о наказаниях уголовных 1885 г., лица, занимающие выборные должности, не подвергались телесному наказанию [Уложение о наказаниях..., 1916. С. 67].

Вышестоящей судебной инстанцией для рассмотрения дел у сибирских татар являлись мировые суды. В случае несогласия с решением волостных начальников или волостных судов либо неподсудности дел сибирские татары обращались также к крестьянским начальникам, в окружной или губернской суды. Высшей судебной инстанцией являлся Правительствующий Сенат.

От имени целого сельского общества в вышестоящих судебных местах могли участвовать выбранные поверенные. Уполномочие на ходение по делам тяжбы и иском совершалось посредством доверенности, называвшейся «верющим письмом». Закон устанавливал запрет для некоторых лиц быть поверенными, к ним относились малолетние, духовные лица, чиновники, лица, которые были преданы суду, лишенные всех прав состояния; лица, подвергшиеся телесному наказанию; лица, состоящие под надзором полиции, и некоторые другие. Поверенные предупреждались об ответственности в виде выплаты штрафа за «неправое вчинение тяжб и исков». Штрафы эти ложились на все общество, которое представлял поверенный [Законы о судопроизводстве..., 1893. Ст. 847]. Следует отметить, что сибирские татары часто пользовались правом ходатайства в вышестоящие органы вплоть до Правительствующего Сената через своих поверенных.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении XVIII — начала XX в. общине сибирских татар принадлежали некоторые судебные функции. В XVIII — начале XIX в. суд в сибирско-

татарской общине имел традиционные черты. В дальнейшем постепенно происходило нивелирование татарского судопроизводства и судоустройства. Во второй половине XIX — начале XX в. в ходе административных реформ происходила правовая унификация и бюрократизация суда. Несмотря на постепенное вытеснение традиционных правовых норм из судопроизводства, властям приходилось учитывать некоторые особенности культуры и религии сибирских татар.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 390; Оп. 39. Д. 119; Ф. 154. Оп. 20а. Д. 339; Ф. 282. Оп. 1. Д. 11, 23, 24, 25; Ф. 332. Оп. 2. Д. 19; Ф. 341. Оп. 1. Д. 43; Ф. 346. Оп. 1. Д. 8, 19, 24, 28, 41, 43, 65, 76.

ГУТО ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 803, 806, 3462, 3464; Ф. 80. Оп. 1. Д. 5, 39.

Полевые материалы автора, собранные в Тобольском, Вагайском, Уватском районах Тюменской области в 2000–2004 гг.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347.

РО ТГИАМЗ. № 12888.

ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1082, 1285.

В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в г. Уфе. Уфа: Тип. Губернского правления, 1891.

Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских: (Свод законов. Т. 10. Ч. 2.). Изд. 4-е. СПб., 1873.

О мере пресечения при дознании и порядке содержания арестантов при волостных правлениях и полиции и пересылке их: Пособие для чинов полиции, волостных и сельских начальников в Сибири. Тобольск, 1893.

Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части / Сост. Газенвинкель. Тобольск, 1888.

Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853.

Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. СПб., 1904.

Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Т. 9. Ч. 1. СПб., 1893.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. с включением ст. по 1912–1914 гг. Пг., 1916.

Литература

Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII — XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 193 с.

Климович Д. Ислам в царской России: Очерки. М., 1936. 190 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article considers transformation of a traditional judicial system with Siberian Tartars in the space of the XVIII — early XX century. The author marks an importance of a rural community in the life of the Tartars, which served not only a board of self-administration, but also performed certain judicial functions. Subject to investigation being the system of a legal procedure with the Siberian Tartars, and a role played by official persons of a community in deciding legal cases. The article shows that the Tartar legal procedure and legal system, distinctive of traditional features in the XVIII century, gradually leveled. In the course of administrative reforms, it was legal unification and bureaucratic tendencies that started to prevail in the court. However, despite gradual ousting of the traditional legal norms from the legal procedure, the authorities had to allow for certain cultural and religious peculiarities with the Siberian Tartars.

Key words: *Siberian Tartars, legal system, legal powers, rural community, rural gathering, Moslem clergy, traditional norms.*